

КРОКОДИЛ

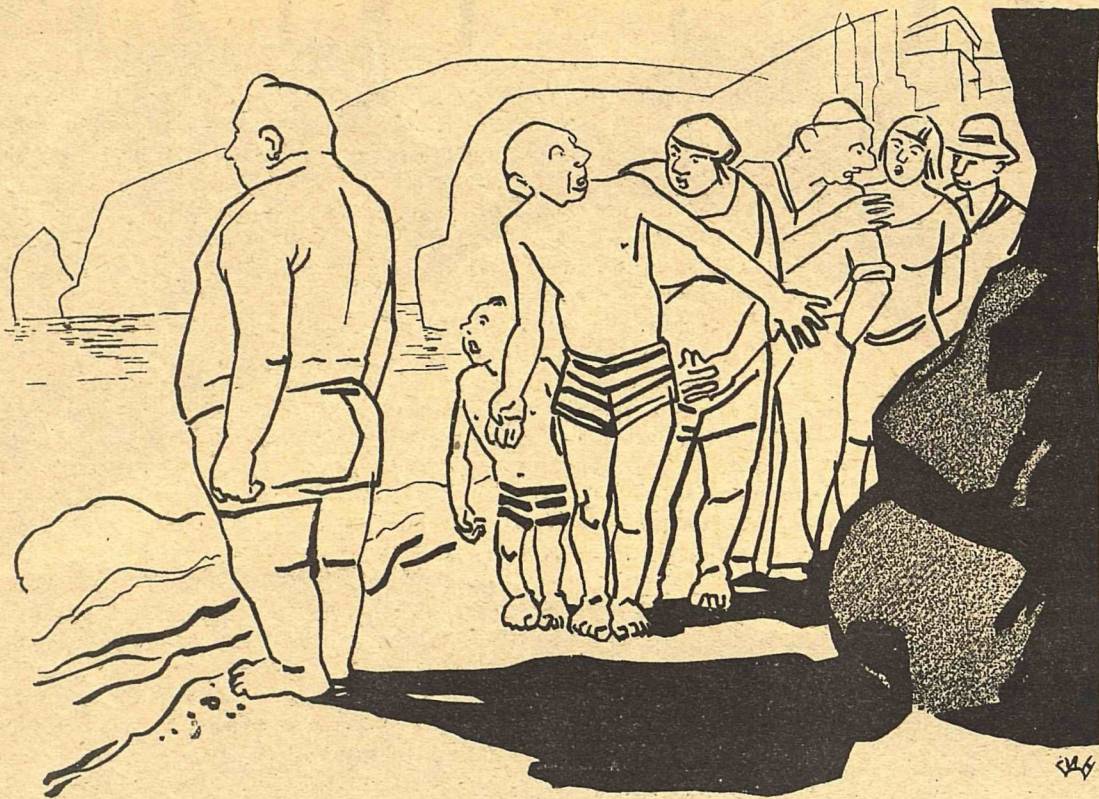
БЕСТОЛКОВЫЕ ТУРИСТЫ

Рис. Д. Мельникова

Удивительное дело! Как высокая гора — так блещет белизной. Ни единого пятнышка не усмотришь.

Рис. В. Гин

— Придется подождать, товарищи... Не можем же мы шагать через тень самого Ивана Семеновича!

В редакции жизнь замирает.
Уж поздно, но в поте лица
Редактор читает, читает...
И нету заметкам конца.
„В цеху вентиляции нету,
Исправьте“, — взывает рабкор.
Редактор решает:

— В газету.
И четко выводит: „В набор“.
Заметка „Лихая нажива“
И подпись под ней „Активист“,
„В рабочем кооперативе
Зав на руку крепко нечист.
Бывают ревизии редко,
А в кассе — копеечки нет“.
Редактор и эту заметку
За первой пускает вослед.
И так продолжается чтение...
Но дрогнула ручка в руке:
Печальное разоблачение...
И шепчет редактор в тоске:
— Ведь имя любому знакомо,
На вид не работник, а клад.
Притом же он член исполкома...
И вдруг — казнокрад, бюрократ!
Конечно, газета есть фактор,
И критика надобна, но...
Обдумав и завесив, редактор
Заметку кладет под сукно.

А. К—ский.

— У нас на заводе заболеваемость повысилась.
— Грипп, что ли, проник?
— Нет, свою столовую открыли.

В. К.

САМОУЧИТЕЛЬ САМОКРИТИКИ

(Составлен Савелием Октябревым)

В предыдущем номере «Крокодила» была помещена вступительная статья того же автора «О недочетах самокритики». В этой статье был с полной ясностью поставлен вопрос о необходимости самоучителя самокритики для критиков бестактных и резких, а также для начинающих. Самоучитель готов. Отбрасывая дальнейшие предисловия, переходим прямо к делу.

УРОК I

Уважаемые гг. самокритики!

Допустим, что на заводе явственно наблюдается бесхозяйственность. Из-за халатности администрации запаздывает доставка сырья. Новые машины стоят на дворе и ржавеют. Административные штаты раздуты. Испорченные станки не ремонтируются. Заказы не выполняются в срок. Капли достижений бесследно растворяются в луже безобразий.

На производственном совещании выступает бестактный низовой самокритик и говорит:

— Товарищи, на достижениях нечего и останавливаться: их даже в микроскоп не разглядишь! Но недостатки кричат и бьют в глаза, товарищи! А кто виноват? Надо сказать прямо и открыто, товарищи: виноват директор. Ведь более тупого, невежественного, бездарного и ленивого администратора даже и представить себе нельзя, товарищи! Где были глаза у тех, которые его сюда назначали?.. Куда смотрит союз, почему молчат парторганы?.. Почему молчите все вы, товарищи, вы, на глазах у которых из-за одного бесхозяйственника разрушается целый завод!?

Конечно, такая критика совершенно неприлична, недопустима и отнюдь не ведет к благим результатам. Она возможна в типичной уборной или глазна-глаз с женою, но никак не на производственном совещании. На производственном же совещании самокритик, сообразительный и тактичный, построит свою критическую речь совершенно иначе.

— Товарищи, — скажет он, — я не буду останавливаться на достижениях: они очевидны, бесспорны и говорят сами за себя! Отмечу лишь, что ими мы в значительной степени обязаны энергии и боевой работе нашего тов. директора. Если бы не он, то кто знает, что вообще случилось бы с нашим заводом?.. Но, товарищи, на ряду с крупными достижениями у нас имеются и некоторые недостатки. Чем они объясняются? Да тем, разумеется, что одному тов. директору, будь он хоть семи пядей во лбу, за всем не уследить и на все стороны не разорваться. И скажу я вам, товарищи, что мы, коллектив, обязаны не молчать, а довести до сведения тов. директора обо всех этих недостатках, за которыми ему одному, даже при двадцатичетырехчасовой работе в сутки, никак невозможно досмотреть. Ведь отвечает-то за все он, товарищи! И если мы будем молчать, то при ревизии или после нескольких заметок в печати он же, которому завод так

многим обязан, в первую очередь и пострадает! Из-за чего? Из-за преступного равнодушия коллектива, из-за того, что рабочие не пришли на помощь директору, товарищи!..

Самокритика, построенная таким образом, допустима и весьма полезна, ибо благожелательна и тактична. Она не подрывает авторитета администрации и не раздражает ее, а потому не вызовет ни противодействия, ни мер воздействия. Критик едва ли будет уволен после своего выступления «за нарушение правил внутреннего распорядка»: наоборот — его деловая активность будет поставлена ему в заслугу. А между тем он укажет на те же самые недостатки, на какие указал бы и недопустимый, бестактный, раздражающий самокритик.

Автор льстит себя надеждою, что из этого первого урока самоучающиеся самокритики сумеют извлечь правильную линию критического поведения для всяких общих собраний и широких совещаний. Ее надлежит положить в основу самокритических выступлений. Что же касается до более конкретных приемов и до выступлений в более деловой обстановке (на комиссиях, с глазу-на-глаз и т. д.), то к ним автор перейдет в следующих уроках.

Савелий Октябрев

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА

ШЛЯПЫ

В «Жалобной книге» Чехова имеется великолепный образец безграмотности:

«Подъезжая к сей станции и любуясь из окна на природу, у меня слетела шляпа».

Оказывается, шляпа летает совершенно таким же образом в наших лучших журналах.

Н. Волков в «Новом мире», в кн. 4, выражается буквально так:

... Испив до конца кубок унтиловской горечи, у зрителя сильнее, чем раньше, вспыхнет жажда.

А в «30 днях» (№ 2), в романе: «12 стульев» авторы безо всякого смущения пишут:

Знакомые НЕ ЗАНИМАЮТ ЕМУ денег до среды.

Это уже напоминает знаменитую фразу одесского папаша, сказанную им во время ссоры с дочерью:

— На кому ты топаешь?! Ты топаешь на свой отец!

ДИКОВИННАЯ „СМЫЧКА“

Странные вещи сообщает акмолинская газета «Смычка»:

После того, как хозяин покрыв свою кобылицу, он должен проследить, когда у кобылицы заканчивается первая охота и должна наступить вторая; в это время он должен раз-два в неделю пробовать кобылицу.

Насчет охоты у лошадей мы не в курсе, а вот насчет читателя можно с уверенностью сказать, что у него охота читать газету пропадает уже сейчас.

Введение

Всякому человеку, попавшему в Ленинград и желающему получить общее представление об окрестностях славного города вообще и о Сестрорецком курорте в частности, рекомендуем проделать следующий опыт:

Надо посетить Дом Ленинградской Кооперации, подняться по внутренней лестнице на одну площадку, сунуть в автомат гривенник и быстро подставить руку, голову или иную часть тела. Из автомата со злобным фырчанием выливается струя зловонной жидкости с запахом в несколько десятков лошадиных сил, на местном языке называемой одеколоном. При помощи этого автомата всякий за небольшие деньги может получить вполне удовлетворительную неприятность.

Описание

Сестрорецкий курорт расположен на берегу Балтийского моря и ограничен с остальных сторон рестораном, железной дорогой и парком. Столь удачное положение курорта оказывается причиной того, что он омывается со всех четырех сторон: морем, водкой в ресторане, пивом в расположенной возле железной дороги пивной и слезами в парке, ибо за вход в него плачут чьи-то денежки.

По приезде на станцию Курорт каждый гражданин имеет возможность озаботиться приобретением жилищности. Эту заботу удовлетворяют курортная гостиница и десятки дыр и конур в полуразрушенных дачах. Во всяком случае, добыть пристанище значительно легче, чем деньги на его оплату, ибо цены на комнаты как у частных, так и в гостинице кусаются не хуже клопов.

Так или иначе разрешивший жилищный вопрос путешественник обретает новую заботу: пища.

Человек, предоставивший свой карман в распоряжение гостиничных аппетитов, имеет право считать себя курортным жителем и идти в управление курорта с просьбой о зачислении на курортное довольствие. Правда, ответ на такую просьбу всегда бывает отрицательным:

— Питаться?! Позвольте, а зачем же ресторан?

— Да ведь ресторан-то частный... Сказано же в кооп-писании: «не давай купцу поживы»...

— Верно: «покупай в кооперативе!» Водка в кооперативе под гостиницей имеется. И потом, — что у вас, гражданин, за логика: если ресторан частный, так ему закрываться надо? У нас с рестораном соглашение...

Старожилы говорят, что курортные врачи своим пациентам никогда и никаких сильнодействующих средств не прописывают, справедливо полагая, что все яды в ресторанной пище имеются в достаточном количестве...

Таково обеспечение курортников жилищем и питанием.

По возвращении из неудачного похода на курортное управление, путешественник узнает, что по-настоящему-то, по правилам, жить ему здесь вообще не причитается и не полагается, ибо у него нет кое-каких документов.

— Позвольте, дорогие товарищи, каких документов? Вот удостоверение служебное, вот профсоюзный билет...

— Мало, гражданин, мало! А где ваша расчетная книжка?

— На дьявола же...

— Не на дьявола, а на предмет! А где у вас удостоверение домоуправления о количестве лиц, состоящих у вас на иждивении?

— Это на какого же?..

— Тоже на предмет!

«Предмет» явно неизвестен никому, да и не в нем, конечно, дело. Дело в административной находчивости товарищей, вывесивших на станции Курорт плакат с требованием разнообразных документов:

«Лицам, прибывающим в Курорт на срок свыше пяти дней, необходимо при себе иметь нижеследующие документы...» — далее следует солидный перечень.

Окрестности и культурозвлечения

Окрестностей у Сестрорецкого курорта нет. Вся прилегающая к морю и ресторану местность занята дачами, детскими домами и домами отдыха ленинградского губпрофсовета. Вся же местность, прилегающая к дачам, детским домам и домам отдыха, занята морем, рестораном и курортным парком.

Обычно принято думать, будто море может доставить целый ряд развлечений для курортного жителя. Едва ли, впрочем, в наше время, когда «здоровье трудящихся есть дело самих трудящихся», нужно опровергать это ходячее мнение. Почти всякий знает, что море — ни к чему непригодная вода и только. Относительно Балтийского моря у Сестрорецкого курорта можно еще добавить, что это вода холодная даже сравнительно с здешним воздухом, температура же воздуха здесь не выше температуры дровяного сарая в ноябре.

Следовательно море исключается. Курортный парк. Этим звучным именем здесь называется весь сосновый бор на берегу моря, тщательно со всех сторон огороженный. Цена за вход — тридцать копеек! Правда, имеются «сезонные» билеты, особенно удобные для обитателей домов отдыха, которые приезжают на две недели, и для приезжих курортников, выживающих не более месяца. Для получения такого «сезонного» билета надо представить серию документов и сняться у курортного фотографа, для чего предварительно следует заплатить тридцать копеек, ибо фотограф — в парке! Унывать, конечно, не следует, ибо и к парикмахеру пройти не дешевле — парикмахер в парке!

Таким образом из культурозвлечений остается один ресторан, с которым управление курорта заключило «соглашение». Впрочем, еще пивная и кооператив, торгующий водкой с надбавкой в 20 копеек на цены преис-куранта. Это называется — борьба с алкоголизмом.

Дорога в курорт

— А как проехать в этот Сестрорецкий курорт? — спросит какой-нибудь пропащий человек.

— Да зачем же туда ехать-то?! Ну, все равно уж: до Ленинграда прямо, затем налево и опять прямо. Дорога устроена в расчете на пробуждение благоразумия в самом отчаянном путешественнике — круговая. Если не вылезает из поезда, он привезет мимо курорта назад в Ленинград на тот же вокзал. Очень удобно!

В доме отдыха «Будьте здоровы» собралось нас, вместе с обслуживающим персоналом, человек семьдесят, — половина наполовину. По целому персоналу вышло на каждого отдыхающего. Вот какое удобство!

И дом отдыха оказался — ничего, двухэтажный, с колоннами, бывшая усадьба на берегу бывшей реки. И красный уголок в доме, как водится, под замком — для сохранности; и погода в общем летняя, по термометру не ниже нуля, но ничего: одеяла на постелях теплые. В общем все для красного ремонта нашего революционного здоровья было налицо.

Одна только получилась для нас неясность — с кушаньем. Вышло так: нас, отдыхающих, половина и обслуживающего персонала половина; обслуживающие на одной половине дома, мы — на другой половине. Им порцию, а нам — полпорции.

В чем дело? Почему такая революционная незаконность?

Вызвали заведующего:

— Так, мол, и так, как ваш дом называется? «Будьте здоровы»?

А как тут будешь здоров на половине порции? И вчера, и сегодня, и третьего дня суп был без ничего или борщ ни с чем. А на второе — жаркое, да какое — возле мяса лежало, а мясо туда не попало. Хлеба к столу не хватает. Сладкое не дают. Вот те и будьте здоровы!

Заведующий на все это — по пунктам:

— Во-первых, товарищи, не волнуйтесь, ибо волнение вредит здоровью, во-вторых, для вашего же здоровья диетическое питание совершенно необходимо. Вы отдыхаете, дайте же отдохнуть и желудку. А мясо есть предрассудок и не более того. Вот! А вы к тому же на диетическом питании, а диетическое питание — это...

И — смылся.

В общем так и пошло у нас: обслуживающему персоналу дают порцию, а отдыхающим — половину, диетическое питание в общем. Но желудок оказался элемент несознательный. Не восемнадцатый, — урчит, — годик. Не желаю!

Потерпели — и опять к заведующему.

— Борщ ни с чем, суп без ничего, каши доотвала, да только масло в ней не ночевало. Отощали отдыхающие, а обслуживающий персонал вот как поправился. Как с этим быть?

— А так: обслуживающий, извините, персонал на вас же персонально трудится, а вы, извините, отдыхаете. Вот. А не трудящийся да не ест. Слыхали, небось, такое? Но мы ничего, мы не против. Разве ж мы не люди? Разве ж мы не понимаем? Кушайте понемножку свое диетическое питание. Кушайте на здоровье!

И — смылся.

И больше мы его уж не тревожили: неловко, знаете ли, заводским людям состоять в нетрудящихся рядах. Выправили до срока путевки и будьте здоровы — домой, в обратный ход, на поправку.

Л. Митницкий.

НА СОБРАНИИ

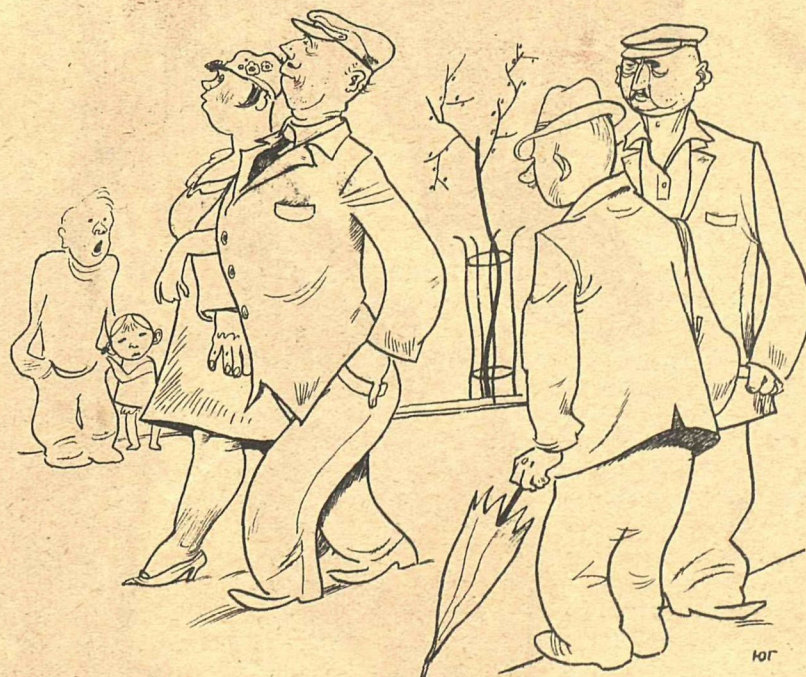
— На улице, должно быть, дождь идет?

— Почему ты думаешь?..

— Да все еще докладчика слушают, — никто не уходит.

ГЕРОЙ, КАКИХ МАЛО

Рис. Ю. Ганфа

— Ишь, нос задрал!

— Еще бы! Пять раз с самокритикой выступал — и не уволили...

МЕЖДУ ДЕЛОМ

Дружеский шарж К. Ротова

Народные развлечения в роде каруселей, вождения медведей и т. п. нам следует взять в свои руки, что, между прочим, может дать и не маленькие средства.
(Из речей в Наркомпросе).

А ДЕЛО НЕ МЕДВЕДЬ — В ЛЕС НЕ УБЕЖИТ...

Товарищ Сапогов лакировался всегда только с одной стороны, а именно с той, которая была обращена к руководителям и наставникам. Этой стороной он издавал блеск энергичного работника и напористого администратора.

Другая же его нелакированная сторона, обращенная ко всем прочим смертным гражданам, откровенно зияла головоутием и самой махровой дурью.

— Ничего! Парень старательный... — говорили про Сапогова возглавляющие. — Правда, не очень умен, зато энергичен...

— Балда! Халуй! — коротко характеризовали Сапогова подведомственные ему лица и учреждения.

На мозговом фронте у Сапогова, действительно, не все обстояло благополучно. Сапогов был глуп от природы. Но не настолько, чтобы не понимать необходимости вышеупомянутой лакировки.

Напором он блистал особенно в годы военного коммунизма. Он одним своим нахрапом мог доставать паровозы, миллиарды миллиардов и даже иногда фунт коровьего масла.

Это Сапогов кричал тогда, напирая:

— Мерзавцы! Саботажники!! Расстрелять вас мало!

В последующие годы, после ряда одергиваний, он значительно смягчил свой головоутиемский тон.

— Ерунда! Болтовня! Глупистика! — зыкал на заседаниях Сапогов по поводу каждого делового предложения и, обращаясь своей лакированной стороной к начальству, заявлял:

— Нужно дело делать, а они занимают болтовней! Я берусь это сделать без всяких дурацких планов и разговорчиков.

И брался... Составлял ошеломительный мандат, мчался на машине и учинял реформы, быстро доводя реформируемых до иступления. Через несколько дней он возвращался, распаленный гневом.

— Там нужно всех разогнать! На биржу отправить! С этим народом ничего не сделаешь!

Особенно отличался Сапогов своим административным напором во время кампании по рационализации.

Желая прекратить хождения и отлучки сотрудников, он заказал особого рода стулья с прибором для глухого закрепления седалищной части. После протеста явно обидевшейся профорганизации Сапогов выдвинул другое требование. Он пожелал ввести для всей конторской братии, в виде прозодежды, водолазные костюмы, вполне гарантирующие на суше от излишних телодвижений. К счастью, запасы водолазных костюмов в это время были ошибочно посланы в какую-то безводную степь и достать их можно было только после многолетней ожесточенной переписки. А к этому времени и сама кампания по рационализации утихла.

При командировках на места Сапогов напирал без особой натуги. Он просто потрясал мандатом и незаряженным наганом (заряженного он сам боялся), а для вящего устрашения местной головки требовал переговоров по прямому проводу.

Вопли несчастных, подвернувшихся под руку Сапогова, были в несамокритическое время слышны не особенно внятно, и на них обычно отвечали:

— Ну, что ж! Ошибся... Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Сапогов — парень энергичный, любит себя проявить...

Особенно многое прощалось Сапогову за его умение одолевать представителей других ведомств. Если это оказывались на свою беду люди умные, добросовестные и деликатные, то Сапогов расправлялся с ними, как волк с ягнятами.

— Да что вы мне басни рассказываете! Ближе к делу! Довольно чепухи! — обрушивался на них Сапогов глиняной глыбой.

Умные люди, увидя, что напоролась на шумного, нахрапистого дурака, нередко сдавались. Они не без основания опасались за свою нервную систему, которая и без того была расшатана.

— С дураком лучше не связываться! — уступали они. —хлопот не оберешься!

В конце концов, Сапогов уверовал сам в себя. Он стал считать, что если что и делается в этом мире, то только благодаря его, Сапогова, энергии. Немудрено, что любимым его словечком, которым он начинал почти каждую фразу, сделалось «я».

— Я предвидел! Я говорил! Я так и знал! Я это выдвинул!

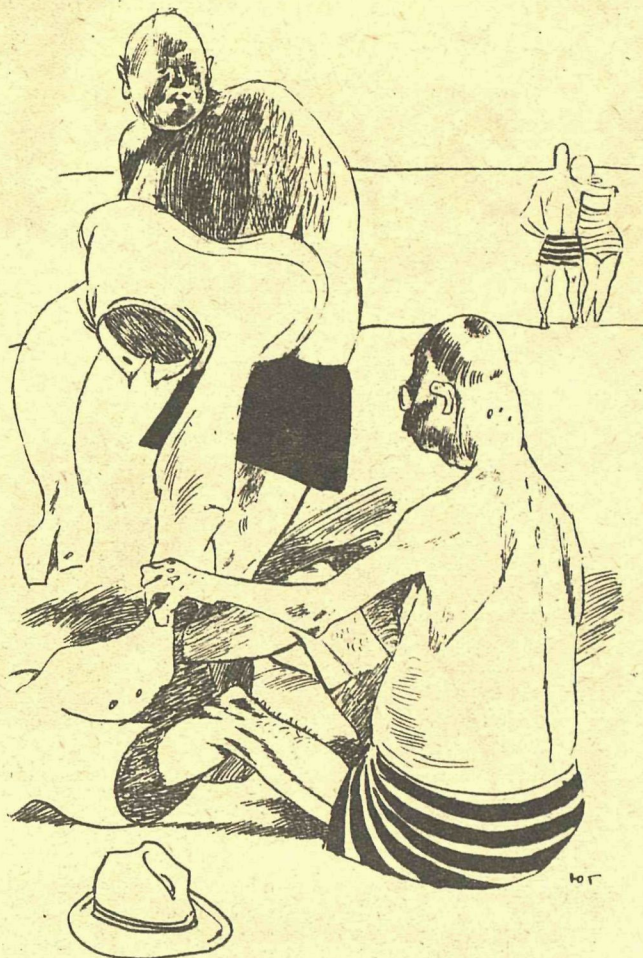
Однажды какой-то шутник сказал Сапогову:

— Вы знаете, вчера в Москве метрополитэн вырыли...

— Конечно, знаю! — ответил, не задумываясь, Сапогов, — я им, дуракам, еще на прошлой неделе говорил, чтобы вырыли...

Эта безапелляционная самоуверенность, которая могла свалить с ног здорового слона, в свою очередь сильно способствовала удаче избранной Сапоговым лакировки под напористого и знающего дело работника.

Б. Самсонов.

— Рано вы приехали в отпуск...

— Рассчитываю, что за это время кампания по самокритике закончится.

ОТ ВАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Воспользовавшись всеобщим замешательством и паникой, журналист Муткин назначился специальным корреспондентом одной из центральных газет в полярной экспедиции и отбыл в Ленинград.

На вокзале говорили приветственные речи, все плакали, кроме фотографов и операторов, которые снимали отважного журналиста.

Радиограммы от корреспондента начали получаться уже на следующий день.

Вот некоторые из них:

БЕЛОЕ МОРЕ. Сегодня ваш корреспондент в сопровождении капитана обошел весь пароход и нашел его в удовлетворительном состоянии. Капитану сделаны соответствующие указания. Настроение команды бодрое.

ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ. 70 градусов северной длины. Ваш корреспондент пытался беседовать с группой белых медведей. Белые животные, узнав, что имеют дело с советским журналистом, не произнесли ни слова и удалились в неизвестном направлении. Ваш корреспондент внес предложение об экономии пресной воды и подал первый пример. Второй день ни имел во рту ни капли воды. Еле держусь на ногах... (далее радио неразборчиво).

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: Следует читать „от усталости“.

6/VII. 35 градусов восточной ширины. Поверхность моря напоминает московскую окрошку. Кроме кусков льда плавают полупереваренные остатки усиленного полярного пайка. Сильно качает. Коротковолновика Сосова рвет с подветренной стороны. Из трубы парохода идет дым.

9/VII. По предложению вашего корреспондента организуется каток для участников экспедиции, а также ледяные горы. Нехватает оркестра. Культурная работа налаживается. У вашего корреспондента большие расходы на командировки и извозчиков. Извозчики здесь ездят на оленях. Номер у них укреплен на розгах. Пароход идет носом вперед. Впереди льды и неизвестность...

После этой радиограммы в редакции была получена самая обыкновенная телеграмма:

ЛЕНИНГРАД. Ваш специальный корреспондент обнаружен в одной из местных пивных под столом. По его объяснениям, он не успел погрузиться на борт парохода.

Перехватил сообщения Б. Медведь,

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

КРОКОДИЛ

ИЗДАНИЕ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

„КРОКОДИЛ“ ПЕЧАТАЕТСЯ В 8 КРАСКАХ НА МАШИНАХ ОФСЕТ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—6 р. 60 к.,

на 6 мес.—3 р. 30 к., на 3 мес.—1 руб. 65 к.,

на 1 месяц—55 коп.

ЦЕНА № в отдельной продаже — 15 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Москве: Главной конторой „Рабочей Газеты“ — Тверская, 8; райэкспедициями; почтовыми отделениями и письменносдами; справочными бюро МХ. В ПРОВИНЦИИ: отделениями „Рабочей Газеты“; почтово-телеграфными конторами и контрагентами по распространению периодической печати.

Рис. Ю. Ганфа

— Прячься скорее! Зав идет с моей женой. Как бы он нас не увидел!

СТАРОЕ ПО-НОВОМУ

Скворцов, спеша, перелистывает толстое дело в поисках затерявшейся справки, а начальник управления и его посетитель ждут, следя за его движениями.

— Скоро ты там? — спрашивает начальник управления.

— Сию секундочку, Пал Аркадьич! Была ведь! Только-что ведь была и вот, ведь... Не понимаю...

Начальник ждет еще и, наконец, говорит спокойно:

— Ну, чем не понимать, сходи-ка ты, брат, в бухгалтерию за возьми-ка ты там копию.

И когда маленький седенький Скворцов, в огромном пенсне на носу, торопится в бухгалтерию, посетитель спрашивает начальника управления:

— Ты им всем на «ты», что ли, говоришь?

Начальник взглядывает на него вопросительно.

— Своим-то? Ну, всем... А что?

Посетитель жмет плечами.

— Так. Ничего. Не обижаются?

Лицо начальника управления выражает еще большее удивление.

— Обижаются? Чего ж тут, скажи на милость, сблизаться? Я ведь не как-нибудь, а по-простому, по-товарищески... А впрочем... Чорт знает?! Да вот же спросим его самого, с какой стати ему врать!

И так как Скворцов в это время боком пропихивает дверь кабинета, начальник управления обращается к нему:

— Вот что, друг, скажи-ка по правде... Тебя как? Скворцов, что ли?

— Скворцов-с!

— Так вот, скажи-ка, друг Скворцов, ты, чего доброго, не в обиде на меня, что я тебя, по своей привычке, запросто так на «ты» величаю? А?

— Что вы-с, что вы-с, Пал Аркадьич! — воркает Скворцов.

— Нет, почему же? — продолжает тот. — Может, ты, как ученый человек... Ты что? Профессором, что ли, был когда?

— При университете оставленным-с, Пал Аркадьич!

— Ну, видишь, вот. Так, может, говорю, ты, как оставленный-то, обижаться, что я тебя не по чину? А я, брат, не по чинам! Я какой есть — весь тут! Я и брата, и свата...

В это время на столе у начальника управления звонит телефон.

— Алло! — гремит в трубку начальник управления. — Ну!

И вдруг он несколько приподнимается на стуле, подбегает и даже застегивает пуговицу на воротнике рубашки.

— Послано, Николай Андреевич! — говорит он. — Как не получали?! Вам же лично мною послано! Все согласно вашего приказа! Слушаю-с, Николай Андреевич! Доброго здоровья, Николай Андреевич!

В. Авилов.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

У Пономарева есть сынок. Сознательный парнишечка... Пятый годок ему пошел.

— Почему, папка, ты себе ботиночки купил новенькие, а мне нет...

Отвечать нечего. Отправился Пономарев в Мариупольский ЦРК покупать сыночку ботинки.

Продавцы ласковые, а заведующий прямо паточкой растекается.

Купил Пономарев ботиночки, тут же обул их и отправился с сынком домой.

На ближайшем углу оторвался каблучок, а через две улицы порвались верхи.

Схватил Пономарев ботиночки и побежал в ЦРК менять.

— Отчего не обменять, скажите только, гражданин, в правление...

Побежал Пономарев в правление. Оттуда еще куда-то послали. Когда, наконец, его заявление покрылось резолюциями сверху донизу, ботиночки сынку обменяли.

Но зато порвались пока его собственные новые ботинки. Еле до дому доплелся.

Побежала жена менять ботинки мужа.

Пока она бегала, свои ботинки порвала.

— Что за дьяволица! — расстроился Пономарев и, одев новые ботинки, побежал менять ботинки жены.

Пока ходил, свои порвал. Так теперь они целыми днями и бегают в погоне за ботинками.

Ипа.

Тяпкина я знал давно.

Этот вертлявый человечек каждые пять минут что-нибудь изобретал.

До октября девятьсот семнадцатого года он изобретал главным образом патентованные средства.

Тяпкин изобрел порошки от головной боли, расхлывшиеся тысячами, пока не обнаружилось, что это просто смесь аспирина с пищевой содой.

Его же гениальной голове принадлежит знаменитый антиклин, который выводит не столько клопов, сколько их хозяев.

Это не мешало Тяпкину кормиться своим изобретением несколько лет, и, если бы не пришла революция, Тяпкин до сих пор ел бы хлеб с маслом, зарабатывая антиклинном, мудро повторяя про себя:

— На мой век дураков хватит!..

Патентованные средства надоели Тяпкину; он считал их несозвучными переживаемой эпохе и перекинулся в совершенно новую область.

Тяпкин занялся изобретением всевозможных значков, втерся в какую-то комиссию помощи детям и раз'езжал по Союзу с аршинным мандатом, выдавая себя за уполномоченного ЦИК.

Прибыв в какой-то город, Тяпкин так талантливо охмурил местный исполком, что в честь его приезда был устроен воинский парад.

Пропустив войска церемониальным маршем, Тяпкин выразил благодарность властям и наградил всех присутствующих своими значками.

Наутро он обошел всех награжденных с подписным листом и собрал за значки деньги.

Лишившись мандата и службы, Тяпкин плюнул на значки и решил стать рационализатором.

— Наконец, я нашел свое призвание! — рассказывал Тяпкин, захлебываясь от восторга... — Я теперь ничего не делаю, а только целый день сижу и изобретаю... Мне платят за это спецставку и премиальные... Вот третьего дня кончил рационализацию Главкуста. Там бывает масса посетителей и им приходится целые дни просиживать в приемной. Я заказал для их удобства мягкие сиденья к скамейкам и специальные спинки...

— Ведь гораздо проще было бы ускорить прием посетителей?! — удивился я.

Тяпкин посмотрел на меня с сожалением:

— Если, дорогой мой, так бросаться идеями, то жить будет нечем! В Главкусте я установил мягкие сиденья для посетителей, а вот в Центро-нафталине я занят как раз ускорением приема посетителей: в кабинете заведующего я устанавливаю помесь граммофона с громкоговорителем, который каждые три минуты будет произносить: «Приходите завтра»... Коротко и ясно... Очереди, как рукой снимет... Простите, я спешу!..

Через год в жаркий вечер я сидел на бульваре.

— Здравствуйте, как живете, что подельываете?! — раздался вдруг над моим ухом несколько увядший голос Тяпкина.

— А вы как?..

— Неважно... Сократили!..

— Что же вы собираетесь теперь изобретать?

Тяпкин молчал, задумчиво глядя на громадный пятиэтажный дом какого-то учреждения, стоявший напротив.

— Идея! — хлопнул вдруг себя по лбу Тяпкин. — Гениально!.. На рационализацию любое учреждение клонет. Завтра же предложу им свой план реорганизации: третий этаж на месте, первый — пойдет на пятый, а четвертый — на второй.

— Позвольте, Тяпкин, но ведь от такого перемещения ничего не изменится?!

— Изменится или не изменится, это мы увидим после, а пока-что я буду месяца два кушать свой хлеб с маслом... На мой век ду...

Конца фразы я не расслышал, так как Тяпкин сорвался с места и побежал посмотреть, как называлось учреждение, на которое он завтра собирался совершить свой рационализаторский налет.

И. Амский.

Рис. Д. Мельникова

— Запевай, что ли!
— Рано! Еще никто спать не лег. Никого не разозлишь.

ОПЫТНЫЙ СТРОИТЕЛЬ

У других, посмотришь, прорех и дыр в строительстве тьма! А вот армавирский, извините за выражение, Севкавопергстрой строит без единой дыры. Возвел это он капитальные стены для электростанции. Хотели плотники класть полы и потолок, смотрят, а в стене нет дыр для балок.

— А нешто нужно?—удивился Опергстрой.
— Да, знаете ли, с потолком удобнее: не каплет.

— Вон что! Ну, ладно,—ковыряйте!

— Не худо бы и окно пробить...

— Окно? А это что за штука?

— Такое, видите ли, отверстие в стене, чтобы свет проходил. Большая дыра. Поняли?

— Понял!

— Только сделайте дыру небольшую, а то и так все говорят, что наш Опергстрой — сплошная дыра.

ПЛОДНОСНАЯ НАУКА

Самоотверженная работа в области науки может дать неисчислимые плоды и продукты. Достоуважаемый тов. Лобанов, фельдшер гжатского дома заключения, попотел над наукой немало. В конце концов он пришел к выводу, что больных в домзаке лучше всего лечить простой водой, а медикаментами—у себя на квартире. Результаты получаются весьма продуктивные.

От души желаем труженику дальнейших успехов и думаем, что он со временем придет не только к выводу, но и к заключению!

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Был яркий солнечный день, когда небольшой заводской пароход причалил к берегу. Сначала по трапу на берег сошел судья г. Воткинск, тов. Чупарев, за ним — начальники Бубликов. За Бубликовым — секретарь прокурора, нотариус и пр., и пр. Последним сошел на берег агент ГПУ. Затем была команда: «выгружай», и матросы, согнувшись под тяжестью корзин, выносили на берег водку, вина и закуски.

— Хорошо! — сказал судья, опрокидывая в свой судейский рот первую рюмку.

— Даже очень недурно! — подтвердил начальник.

Но когда закуски и жидкость были уничтожены, секретарь прокурора заплакал и сказал:

— Мне жаль... Мне жалко вас и себя, дорогие товарищи. В то время как страна наша ведет борьбу с алкоголизмом, что же делают ее лучшие представители? Пьют. Безобразно пьют. На глазах у рабочих берут пароход, людей и уезжают пьянствовать. И когда? Днем. Хоть бы ночью, а то днем. И кто? Начмил, агент ГПУ, товарищ судья, секретарь прокурора... Товарищи, позор! Этого дела нельзя так оставить! Это разложение! Безобразие! И я предлагаю немедленно составить протокол и виновников привлечь к законной ответственности и сурово наказать. Беспощадно наказать!

Агент ГПУ тут же из своего портфеля достал бумагу и самопишущим пером написал протокол и направил его к судье. Начальник милиции скомандовал: «Встать, суд идет», и судья приступил к прямым своим обязанностям, нотариус секретарствовал...

Через полчаса вынесен приговор — расстрелять.

И тогда начальник милиции отмерил сто шагов, и ахнула наганы и охотничьи ружья по... пустым бутылкам.

После того, как все виновные... бутылки были расстреляны, воткинских работников погрузили на пароход и отдали чалку...

Младенцев.

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

— Вот и всегда у нас так: как только новая кампания, так все прежние в архив! Теперь, вот, самокритикой увлеклись, а о борьбе с бюрократизмом, с волокитой, с бесхозяйственностью и с прочими недостатками даже и не вспоминают!..

ЗАГАДКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 18 ЛЕТ

Что, кроме солнышка красного, светлее месяца ясного? („Спец“, вернувшийся из четырехмесячной командировки).

В мастерской храбрится, а на собрании под лавку ложится? (Некоторые из „критиков“).

Что на гвоздь не повесишь? (Свой собственный портрет в полицейской форме).

Деревянные ноги, хоть все лето стоит? (Специалист по очередям за мануфактурой).

Что в хлебе бывает, есть не привлекает? (Гвоздь).

Что быстрее мысли? (Слова, вылетающие из уст некоторых докладчиков).

Какие люди свободны от гостей? (Живущие в новых домах).

С ушами, да не слышит? (Директор на производственном совещании).

А. Ч.

ЗАПЛЕВАННОЕ МЕСТО

Рис. Ю. Г.

— Четвертую плевательницу для администрации ставлю на этом месте, а все нехватает.

ПРОКУРОРСКАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ

Мудрая природа устроила в каждой губернии особую дыру, куда губком может направлять провинившихся ответственных работников для перевоспитания и исправления.

В Крыму такой дырой, по справедливости, считается Джанкой.

Не желая пугать слабонервных товарищей описанием джанкойских условий, скажем кратко, что Джанкой исправляет с гарантией любого закоренелого бюрократа, растратчика или голодотяпа.

Немудрено, что в сей благословенной местности обитают только кроткие агнцы, неспособные нарушить ни одной из заповедей Моисея и ни одной статьи Уголовного Кодекса.

Это, конечно, великолепно. Но надо же войти и в положение тов. Кузнецова, местного прокурора.

Полное отсутствие правонарушений могло печально отразиться на самом существовании уважаемой прокурорской должности. Но, к счастью, Кузнецов оказался работником с инициативой. Он в порядке самостоятельности стал сам поставлять пищу, потребную для прокурорского надзора.

Кузнецов, например, возбудил уголовное преследование против заведующего школой тов. Шибаршова, потребовавшего с Кузнецова уплаты долга школе.

Кузнецов вызвал для объяснения контролера кино Серикова, не пропустившего в театр безбилетное прокурорское детище. Сериков был уволен.

Кузнецов не пожелал уплатить 100 рублей кассе взаимопомощи, за что был занесен на черную доску.

Кузнецов не предпринял никаких мер против неправильных действий зава ОМХ Соколова, описанных в газете «Красный Крым», и т. д. и т. п.

Кузнецов, как видите, щедр.

Он припас столько прокурорской пищи, что ее, пожалуй, хватит и для областного прокурора. Если, конечно, он не страдает отсутствием аппетита...

Пионерский.

НЕПРАВИЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ. (Кто? Что?). Самокритика.

РОДИТЕЛЬНЫЙ. (Кого? Чего?). Работы бюро нашей ячейки.

ДАТЕЛЬНЫЙ. (Кому? Чему?). Петрову — можно, а мне — нельзя: меня и без того подозревают в «уклоне».

ВИНИТЕЛЬНЫЙ. (Кого? Что?). Рабкора — без выходного пособия.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ. (Кем? Чем?). Администрацией и секретарем ячейки опровергается.

ПРЕДЛОЖНЫЙ. (О ком? О чем?). О самокритиках — кому следует: там разберут!

ЗВАТЕЛЬНЫЙ. Эй, вы!.. Бузу затирать?! Склоку разводиться?! На биржу труда захотелось?!

Н.

СМЕЛАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Зав Щегловского горкомхоза тов. Кобалев был не в духе.

— Безобразие! Италия ищет Нобиле... Швеция ищет. Москва послала экспедицию, а наш Щегловск хоть бы хны! Нечего сказать, Щегловск: щеголяем на весь мир полной индифферентностью!

Секретарь Ковалева тов. Коробов виновато кашлянул в кулак.

— Нечего кашлять! — строго заметил зав. — На северном полюсе еще не были, а уж кашляете. Немедленно приступить к организации экспедиции! Пришлите мне уполномоченного, судорожного дела. Как его — Калининков, что ли?

— Так точно, Калининков. Но он в командировке в Москве.

— Разбойники! Зарезали! Телеграфируйте срочно, чтобы выезжал.

— Слушаюсь...

На другой же день, после долгих телеграфных поисков Калининкова, от него был получен такой ответ *):

„Возвращаясь из Москвы, я заехал в Томск: узнать, как чувствует себя моя жена. Жены я в Томске не нашел. Она уехала в неизвестном направлении. Знакомые передают, что она говорила будто не хочет жить со мной. К ней приходил ее бывший жених. Возможно, она уехала с ним. В силу сложившихся обстоятельств я вынужден отправиться на ее поиски, чтобы добиться от нее разъяснения. Калининков“.

— Ура! Ура! Ура! — вбежал с радостным криком в кабинет зава секретарь Коробов. — Калининков отправился на поиски!

— Нобиле? — обрадовался зав.

— Нет — жены... Жена у него потерялась.

— Не может быть?

— Факт! Вот сообщение!

Ликованию не было конца. Горкомхоз ходил именинником.

К сожалению, от отважного путешественника не было ни слуху, ни духу. В газете «Кузбас», в № 107 было напечатано только одно письмо Калининкова, подтверждающее, что он, действительно, находится в опасной экспедиции по розыску пропавшей жены.

Ну что ж! Горкомхоз был доволен и этим. На запрос Камеровской раймилиции относительно участи отчаянного путешественника горкомхоз гордо ответил отношением за № 1323:

„Настоящим горкомхоз сообщает, что уполномоченный судорожного дела в настоящее время находится в командировке в поисках своей жены.“

Зав. горкомхозом Ковалев.

Секретарь Коробов“.

Из этого второго, тоже подлинного документа каждый может убедиться, что самоотверженная поездка Калининкова происходила за счет казенных сумм.

Кончилась ли эта командировка благополучно, или РКИ наломала кому следует хвост, — сведений пока не имеется ни на короткой, ни на длинной волне. Но мы надеемся, что они пойманы будут.

Л. Наждачный.

*) Документ подлинный.

ПРОФБОЛЕЗНЬ

Встретились мы с ним на курорте, встретились после восьмилетней разлуки, разбросившей нас чуть ли не по разным центрам нашего Союза.

Помнил я его боевым и общительным, помнил его звонкое «даешь!».

Встретил и даже не сразу узнал: сосредоточенный, серьезный, неторопливый человек сидел за столиком и ел мороженое с таким видом, будто резолюции клал. Поведет этак ложечкой по блюдецку, ковырнет и расчеркнется — рраз! В рот потянет, посмакует — согласовано, мол, не отвертись! И опять в блюдецку.

Узнал меня тоже не торопясь, но посмотрел ласково, как на долгожданного циркуляра, из-за отсутствия которого тормозилась работа.

— Ага! И ты здесь? Давненько не видался! Присаживайся, присаживайся, присаживайся, — все равно везде занято! Ну, где ты сейчас, что? Как работа?

Я кратко изложил собственное служебное положение и опрокинул ему на голову кучу ответных вопросов.

— Я? Я что же! Работаем помаленьку, руководим вашим братом... С тех пор, как мы с тобой на фронте расстались.. где это было-то? В Апостоле, что ли? Или в Волковыске? Ну, да все равно! Почти с тех самых пор состою членом областного совета профсоюзов и руковожу... Сейчас на отдыхе, как видишь... Вообще — член ЦК союза, вождь, можно сказать!

Он удовлетворенно улыбнулся и прибавил:

— Очень, очень рад! Только давай для встречи о делах не говорить, — будем отдыхать!

Разговор у нас пошел хотя и оживленный, но довольно бессвязный. Так, нечто в роде наскоро организованного вечера воспоминаний.

За соседним столиком расположилась небольшая компания рабочих из соседнего дома отдыха. Они о чем-то крепко спорили, повышая голоса чуть не до крика, потом опять успокаиваясь. Я их не слышал, упоенный собственным красноречием, с каким я предавался воспоминаниям. Но мой вновь обретенный приятель скопил к ним ухо и вздрогнул:

— Слышишь? — прервал он мой рассказ: — если кончил есть, — пойдём. Мне это на нервы действует.

— Сейчас! — мотнул я полным рассказов и мороженого ртом и, прислушавшись к соседям, уловил, что спор у них шел на тему о том, успевают ли рост заработной платы за ростом производительности труда или зарплата отстает?

Моего приятеля от этого разговора явнс передергивало.

— Однако, брат! Измотало тебя!

— Не в том дело! Кончил? Ну, расплачивайся и пойдём! Прямо слушать не могу! Пойдём на пляж, там потолкуем!

Мы развалились на песочке, поглядывая на море.

— Да, так ты про махновщину говорил? Это что, а вот, помню, под Пермью еще или в Мотовилихе наш Петражицкий... Я тогда был...

И полился широкий, как пляж, рассказ о восточной партизанщине, о неорганизованных победах над организованным врагом. И вдруг рассказ крикнул и прервался. Лицо рассказчика исказилось гримасой боли:

— Опять! Не могу же я... Слышишь?

— ...Это уж дело производственного совещания. Куда же оно смотрело-то? — гудел сзади чей-то бас.

— Смотрело, куда надо! А если ни профсоюз, ни ячейка не поддерживают, что сделаешь? Тут куда ни смотри...

— К чорту! Прямо изводят! Спрятаться некуда! — со стоном вскопчил мой приятель и потянул меня за рукав куда-то в сторону.

— Н-да! Тебе как следует полечиться надо! Так истрепать нервы, чтобы от одних разговоров коржиться...

Он глянул на меня непонимающими глазами и махнул рукой.

— Ерунда! Не в этом дело, а... Куда бы нам приткнуться, чтобы никто не мешал? Пойдем, побродим по берегу.

Мы топтали по берегу, утопая в песке и воспоминаниях. От исторических событий перешли к личным, семейным.

— Да, в двадцать третьем я женился. Раньше как-то все не до того было. А тут уже все утряслось, я укрепился на профработе и женился. Жена моя тоже у нас в культотделе работает. Молодцом, справляется, хотя я, конечно...

Тут его опять передернуло: шедшие навстречу нам санаторники шумели:

— ...Конечно, профсоюз должен массы втягивать! Иначе ничего не выйдет и вся самокритика вхолостую пойдет...

— Как же ты будешь работать, если ты от одних профсоюзных слов корчишься?

— При чем тут слова?! — взбеленился он: — разве в словах дело?

Слова эти я сам каждый день говорю и от товарищей по работе ежеминутно слушаю! Разве меня слова злят? Меня злит то, что люди берутся рассуждать о том, чего не понимают! Вот сейчас, например: рядовой рабочий, а позволяет себе говорить о втягивании массы! Да какое ему дело до массы? Кто должен втягивать массу: он, что ли? Мы, профорганы, должны это делать, так мы и имеем право об этом рассуждать, а не он! Или — на пляже тогда — о производственных совещаниях! Разве их ума это дело? Это дело профорганов, — так пусть профработники об этом разговаривают. А там, в столовке? Зарплата и производительность труда. Ну, скажи на милость, какого пса простой рабочий понимает в вопросах зарплаты? Чего же тогда разговаривать об этом, да еще в моем присутствии, в присутствии старого профработника? И еще, небось, беспартийные!.. Говорили бы про радио, про погоду...

Вл. Павлов.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОЧЕТ

Рис. К. Елисева

— Мимо нас попер... Прямо к Силантьеву...
— Сперва к партийному... Обидеться может...

ВИАРЫ В БОК

ЧУДОВИЩНАЯ БЫСТРОТА

Народ сильно избаловался за последнее время. Чуть задержит какое-нибудь учреждение бумажку, — сейчас же вопли: — Бюрократизм! Волокита!

Учреждения, конечно, стараются, поторапливаются.

Нижегородский гублесотдел развил даже бешеную скорость в своей работе.

Сгорел в августе 1924 г. в Борисоглебском лесничестве кордон.

Не успели промелькнуть три года, как лесотдел запросил нового лесничего Бохаровского о точных причинах пожара.

Злодей Бохаровский, попавший в лесничество спустя год после пожара, точных причин бедствия не знал, в чем чистосердечно и признался.

Не успел промелькнуть год, как Бохаровский в феврале 1928 года получил за свою неосведомленность выговор.

И, заметьте, — с какой бешеной быстротой! И куда это лесотдел спешит? Прямо, как на пожар!

ГЖАТСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО

Жажда к знанию развивается повсеместно. Но в Гжатске — в особенности.

В Гжатске культурные источники устроены так: во втором этаже клуб или библиотека, а под ним непременно пивная или лавка Центроспирта.

Граждане, утолив жажду в первом этаже, теряют силы и уже не пытаются забраться во второй.

На это прискорбное обстоятельство не раз указывалось горсовету, но горсовет мудро отвечает:

— Ничего не поделаешь — по финансовым соображениям.

Гжатцы не унывают и даже гордятся:

— Вот, видите, у нашего горсовета соображение, хотя и финансовое, а все-таки есть! Не мешало бы и другое какое-нибудь занять, ну да ладно: город наш маленький, проживем и так. И неизменно направляются в первый этаж.

ДЕЛА ЖИЛИЩНЫЕ

На жилищном фронте опять неблагополучие и трудности.

В Черкассах только-что было увязали жилищный вопрос, а администрация шевченковского театра учинила срыв и подрыв.

Она вывесила на дверях уборной такое объявление:

„Проявление всякого рода признаков жизни в уборной строго воспрещается.“

И выходит: не так живи, как хочется, а как администрация велит!

ХРОМАЯ РАБОТА

Сладко живется администратору Почапинского сахарного завода.

Вместо того, чтобы купить лошадей для завода у крестьян, Гнеповский нашел для себя более выгодным купить лошадей у спекулянтов...

На следующий же день две лошади из десяти захромали и оказались непригодными для работы.

Вот где, действительно, работа хромает на все четыре ноги!...

СПЕШИ МЕДЛЕННО

Куда ни посмотришь, работают граждане тяп-ляп, на скорую нитку, лишь бы скачать с шен.

Ну, и получают такие скороспелости, как, например, случилось в Гжатске:

Производственную смету Комтреста на 1927—28 хоз. год горсовет утвердил в мае 1928 г.

Подумайте! Уже в мае! Куда он спешил? На пожар, что ли? Мог бы утвердить и в ноябре. Жалованье все равно идет! Да и кто же утверждает сметы в мае: целый год придется маяться. Ох, граждане. Нет у вас вдумчивой работы! Все тяп-ляп, на скорую нитку.

ДОЭКОНОМИЛИСЬ

Наркомтруд послал минской бирже труда пакет.

Не то регистраторша спешила на свидание, не то другой марки под руками не было, но на пакете оказалась марка в 6 копеек вместо восьми.

Почтамт потребовал, чтобы биржа две копейки доплатила.

А биржа на дыбы: — А на чорта мне твой пакет сдался... Мне режим экономии соблюдать приказано.

Целый месяц посылал почтамт повестки, а биржа отписывается:

— В шестой раз предлагаем, мол, вам отправиться со своим пакетом к чорту на рога...

Почтамт, наконец, обиделся и отправил пакет обратно в Москву.

А жаль! В пакете был запечатан циркуляр о недопустимости держать на работе дураков. Так дураки в Минске и остались...

АХТЫРСКИЕ ПОШЕХОНЦЫ

— Чем мы хуже Харькова! — сказали ахтырские кооператоры и завели себе грузовик.

Грузов у них кот наплакал, но без автомобиля пыли в глаза не пустишь... Наняли шофера с помощником и платят им 150 рублей в месяц.

А грузовик взял и на другой же день сломался.

Чинили его несколько месяцев. Поездили опять разика три и снова пришлось поставить машину в ремонт.

Влетело это предприятие ахтырцам в несколько тысяч, но на это наплевать.

Потребители народ крепкий, выдержат...

БАШКОВИТЫЙ

— Доложу же я вам, ну, и крепкая башка у заведующего двором Шполянского сахзавода, коммуниста Бутурлинова. Здоровая башка! Молодец!

— А что, хорошо соображает?

— Соображает неважно... Но что у парня башка крепкая — это факт. Вы подумайте только! Спяна, вообразив, что он кошка,

тов. Бутурлинов залез на самое высокое дерево и от

туда шмяк головой об землю. И ничего. Пять дней пролежал в больнице, получил из райстражкассы денежки и опять эту же голову таскает.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Старенькая ветхая старушка постучалась палкой в симферопольский райком партии.

— Ты что, баушка? — спросил ее ласково секретарь.

— Да это я — Ратнер, комсомолка. Не узнал, родимый? — Прости, баушка, не узнал. Давно не была...

— Что зря ходить-то, кормилец. Не нашли поди мою анкету?

— Нет, баушка, не нашли еще. Узнай у тов. Шевченко, у секретаря партиячки поликлиники.

— Узнавала, сынок. В позапрошлом году он, баит, видел ее где-то у себя под сукном. А теперь опять куда-то затерял. Ох, грехи наши! Так и умру, знать, комсомолкой...

Ратнер закряхтела и пошла знакомой дорогой к тов. Шевченко, напевая старческим голосом «Мы, молодая гвардия...».

Старушка в самом деле была комсомолкой. Состарилась же она в этом почечном звании благодаря тов. Шевченко, который много лет волокнитит перевод тов. Ратнер из комсомола в кандидаты партии.

ЧЕМ ЛЮДИ ЗАНИМАЮТСЯ

Управляющий Шахтинским рудоуправлением Ивахненко размышлял: «Всюду экономию наводят, а я, суконный нос, лыком, что ли, шит? Дай-ка напишу на Буденновку предложение удерживать с рабочих долги». Написал и списочек приложил, с кого сколько. С Мещерякова — 4 коп., Гребенникова — 5, Шикина — 18, Каразина — 1, Ларина — 10, Косяченко — 12 и с Кубатова — 1. Итого 51 копейку. Подайте копейку убогому бюрократу!

БЕСТАКТНОСТЬ

Ох, хромает у нас, граждане, культпросвет-работа, хромает!

На одиннадцатом году еще встречаются супчики, не умеющие себя деликатно держать перед ответственными особами.

В Новороссийске супруга уважаемого тов. Лебедева пожелала петь. Такая уважаемая личность могла бы, в силу своего положения, петь перед всеми гражданами в концерте. Но тов. Лебедева, будучи от природы не злой, граждан поберегла. Она стала петь дома. Жильцам радоваться бы и поздравлять. Однако нет! Нашлась одна жиличка — кобра некультурная: от пения у нее случилась истерика. Пришлось вызывать карету скорой помощи.

Дерзкой обидчице это даром не пройдет: ее служебная песенка теперь спета!

КОНДИТЕРСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Московская кондитерская фабрика «Большевик» выпустила печенье под названием «Преферанс».

На печенье изображены: дама трэф, дама червей, а посередине выгравировано на каждой фигуре «Большевик».

Смотрите, товарищи, как бы вам трест за этот самый «Преферанс» большой ремиз не поставил...

ОН И ОНА

Ветер листья ласкал, пробегая...

Зав готовил послание, «к ней»:

„Не противься, моя дорогая...“

Дай местечко... устрой и пригрей...“

Сердце било мучительный танец:

— Согласится ль?.. Ответил ли „да“?..“

Зав был дядей двух взрослых племянниц,

А она была... биржей труда...

М. Андр.

ИСТОРИЯ В ПЯТИ ГЛАВАХ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ

Глава первая

Назначили в г. Сольцы, Новг. окр., партийца Дмитрия Ухова заведывать кассой социального обеспечения с окладом жалования в 60 руб. Принял Ухов кассу, расписался в ведомостях и задумался: — Вот, — думает Ухов, — был ты, Митя, безответственным, жил ты в маленькой комнатенке и горя тебе было мало. А теперь? А теперь, брат, квартиру тебе, Митя, снимать надо. Сопровождаю да заседания, то да се... А квартира в Сольце, небось, 10 руб. в месяц стоит. Цифра.

Ухов почесал за ухом и начал дальше разматывать клубок мысли. — 10 руб. в месяц. Это выходит — 120 руб. в год. Ремонт, то да се, кледи и все 200. В 10 лет это 2.000 целкачей. Разорение. А промежду прочим ежели бы эти 2.000 руб. сразу иметь, купил бы я домик. И частным квартирохозяевам не потачка, и угол на старость.

Ухов погрыз кончик социально-обеспеченного карандаша и решил: — А я вот что сделаю: возьму заимообразно, так сказать, авансом, из кассы 2.000 целковых и куплю себе избушку. Небось, не зажилю. В 10-то лет отдам.

Глава вторая

В партийном комитете известие о покупке Уховым дома особых недоумений не встретило. Только кто-то спросил:

- Говорят, ты, Митя, дом купил?
- Купил, — честно признался Ухов. — С квартирой, знаешь, расходы, то да се. Опять же частникам-квартирохозяевам не потачка.
- Оно так-то так. Да где же ты, Митя, денег-то взял?
- Денег? Денег я... того. Тетку... я нашел, ну, и занял.
- Тетку нашел?
- Зачем тетку. Деньги нашел. Иду, понимаешь, по Советскому, гляжу — пакет, ну, я и поднял.
- А в пакете деньги?
- А в пакете деньги.
- Здорово.
- Да, уж. Я такой.

Глава третья

Устав целый день социально-обеспечивать солецких рабочих и работниц, Ухов вернулся в свой соцбодом.

— Митя, — сказала жена. — Тут молочница приходила, деньги за молоко спрашивала.

— Разорение с этим молоком, — подумал Ухов. — Четверть — 35 коп., а в день их надо две. Семь гривен в день. 21 руб. в месяц. 252 руб. в год. То да се, и все триста набегит.

Он посмотрел в социальное окошечко и решил: — Возьму-ка я авансом из кассы рублишек триста и куплю себе пару коровенок. Чистая экономия, опять же и частным молочницам не потачка.

Глава четвертая

В партийном комитете известие о покупке Уховым двух коров особых недоумений не вызвало. Только кто-то спросил:

- А ты, Митя, еще и двух коров приобрел?
- Коров? Каких коров? Ах, да. Вот этих-то? Ну, какие же они коровы. Трехлетние телки и только.
- Телки? А где же ты, Митя, денег на этих телок взял?
- Денег-то, брат, я, того, занял.
- Ну? У кого?
- А иду, знаешь ли ты, я Советским, вижу—человек идет...
- Человек?
- Человек. Такой... с волосами. Я к нему. Одолжите, говорю, мне гражданин 300 руб. до четверга. Он и дал.
- Здорово.
- Да, уж. Я такой.

Глава пятая

— Собачья служба, — думал Ухов. — Бегаешь, бегаешь, как скороход какой, а благодарности и не жди. Ноги-то у меня свои, не купленные. Небось, никто не додумается социально-обеспечить мои ноги. На, мол, Митя, тебе денег, купи автомобиль.

Ухов даже зажмурился от удовольствия. — Положим, автомобиль здесь не идет. Дороги не ответственные для такой ответственной машины. Ухабы, колдобины, то да се. Велосипед бы вот тут впору.

Ухов посмотрел на негосраемый шкаф кассы и решил: — Куда ни шло, куплю велосипед. Небось, не зажилю. Лет в десять верну.

Заключение

Положим, заключение даст новгородский прокурор.

Конст. Шелонский.

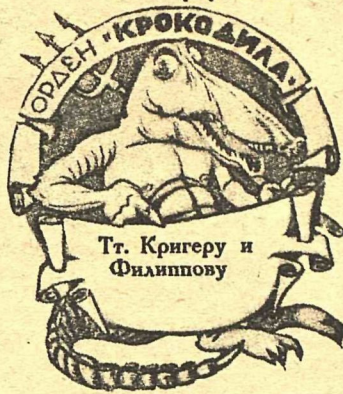
СМЕРТЬ РАСТРАТЧИКАМ

— Со святыми упокой, упокой боже новопреставленного Блискаша. — Какие там святыне упокой! Брось, поп, растратчика покрывать. Мы его снимать с должности пришли да передать дело в губсуд, а вот и бумажка на это за подписью Моск.-Курск. ж. д.: «Заведующего остановочным пунктом Спассо-Клепки Блискаша за растрату уволить и предать суду».

— Но ведь его поездом насмерть раздавило... — Это нас не касается. Бумажка с печатью. Желает его предать суду и больше ничего!..

И что ж?—предали.

ОТДЕЛ ОФИЦИАЛЬНЫЙ

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ РЕСКРИПТ

Дан на имя тов. Кригера, председателя Черноморского комитета союза пиццевиков и тов. Филиппова, секретаря того же комитета.

Согласно Статута Ордена Нашего, всемилоостивейше награждаем Мы Вас Орденом Крокодила Первой Степени, знаки коего Вам препровождаем.

Одновременно предлагаем всем читателям нашим: знак Ордена, изображенный в настоящем номере, вырезать и препроводить с письменным поздравлением по Вашему адресу: г. Новороссийск, окружной комитет союза пиццевиков, Кригеру и Филиппову.

Высокая награда сия жалуется Вам за отличие от всех других менее находчивых и изобретательных граждан Республики, выразившихся в деянии, изложенном в следующем документе:

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ПРОМТРЕСТА

В связи с открытием X Черноморской конференции пиццевиков в устных разговорах с управляющим Промтреста последним было обещано для делегатов конференции отпустить бесплатно пиво для пробы качества, ибо пиво, которое приобретает важное значение в смысле улучшения качества, должно иметь также общественное мнение нашей организации. Правление союза поручает пиво получить председателю правления нашего клуба тов. Кевдину.

Предсоюза КРИГЕР. Секретарь ФИЛИПОВ.
РЕЗОЛЮЦИЯ: «Пивзавод. Выдать пять ведер (боченком) пива лучшего качества—бесплатно. Н. ЗАГОРСКИЙ».

С чем Вас и поздравляя, остаемся благодарны (на подлинном вилами нацарапано).

„КРОКОДИЛ“.

КРОКОДИЛЬСКАЯ „ВИКТОРИНА“

СЕРИЯ ВТОРАЯ

ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС, ТЕМ БОЛЬШЕ ДРОВ

Всем известно, какие тяжелые семейные драмы разыгрываются на почве игры в «Викторину». С другой стороны, немало часов прогуливается служащими, играющими в эту увлекательную игру. В целях повышения производительности труда редакция «Крокодила» дает ответы одновременно с вопросами.

ЧИТАЙТЕ И НАСЛАЖДАЙТЕСЬ!

ВОПРОС: Зачем посылают больных в Пятигорск?

ОТВЕТ: Чтобы наслаждаться чудесным ароматом, несущимся из бочек ассенизационного обоза, средь бела дня сливающего нечистоты в центре города.

Местный исполком гордится: в строгом соответствии с директивами о самокритике... нельзя скрывать нечистот... Под широкий контроль их!..

ВОПРОС: В каком городе грабят население среди бела дня?

ОТВЕТ: Занимается этим высокополезным делом Юрьевское общество потребителей. Оно объявило громогласно: — Все члены кооператива, не прошедшие перерегистрацию, лишаются своих паевых взносов... Председатель профбюро Железов это постановление утвердил. Богатое происшествие для судебного репортера... И куда только смотрит местная милиция??!

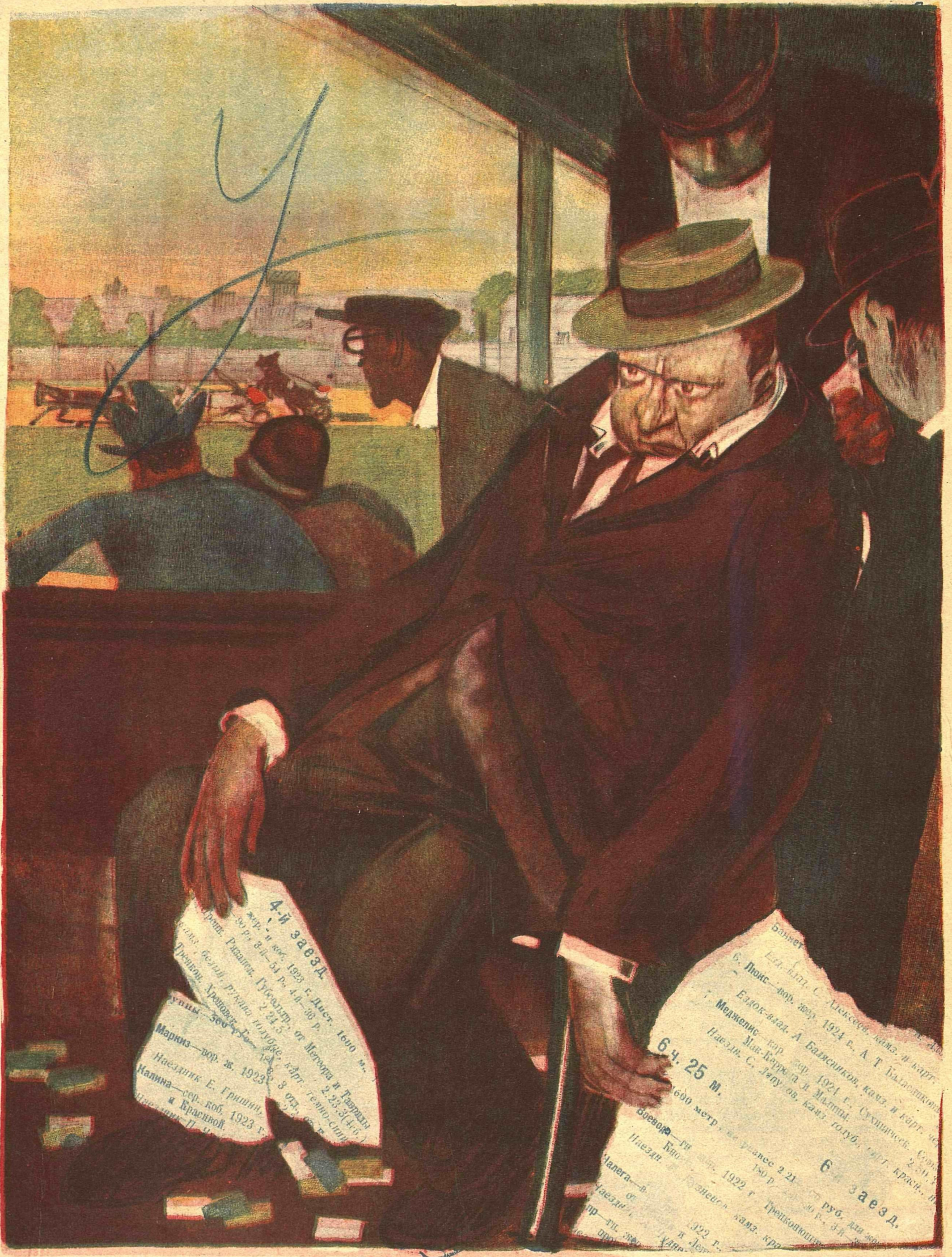
ВОПРОС: В каком провинциальном городе семейные сцены в учреждениях бывают даже чаще, чем в московских театрах?

ОТВЕТ: В Сарапуле. В местной райземчасти муж — заведующий, а жена — секретарь. Единственный земельный вопрос, которым они усердно занимаются, это как бы скорее друг друга в землю закопать...!

ВОПРОС: Где левая нога имеет полную автономию?

ОТВЕТ: В 4-м участке суда Севастопольского района. Судья разбирает только те дела, которые угодны его ноге. По делу о порубке леса и хулиганстве, возбужденному местным лесничеством, судья завел бесконечную переписку, но дела не разбирает, покрывая хулиганов.

Рис. М. Черемных

— Есть чего расстраиваться! Всего пять тысяч казенных проиграл... Подумаешь!
— В том-то и дело, что я, кажется, и своих три с полтиной приложил!